

турного языка, который в своем лексическом составе по крайней мере наполовину, если не больше, остался церковнославянским.⁸

В противоположность этой точке зрения уже давно указывается на значение русского народного, разговорного языка как основного фактора при формировании русского литературного языка. Уже А. Х. Востоков обращал внимание на параллелизм употребления старославянского языка в церковной литературе и древнерусского языка — в деловой письменности и светской литературе. И. И. Срезневский искал основу древнерусского литературного языка в живой восточнославянской разговорной речи, которая по своей структуре была близка древнеславянскому языку (1887 г.). Эта точка зрения была с особой силой выставлена в новейшей русской филологии: стремились доказать самобытность древнерусского литературного языка, выработанного на базе живой разговорной восточнославянской речи, и ослабить значение старославянского влияния. С. П. Обнорский на основе языкового анализа таких оригинальных русских произведений, как Русская Правда, Моление Даниила Заточника и др., пришел к убеждению, что русский литературный язык древнейшего периода был чистым русским языком во всех элементах своей структуры — в фонетике, морфологии, словообразовании, синтаксисе и в лексическом составе. Болгарское влияние вначале было значительно слабее, чем это обычно считали, но оно постепенно росло и лишь в эпоху второго южнославянского влияния в XIV в. оказало более сильное воздействие на русский язык.⁹ Л. П. Якубинский также подчеркивает значение живой разговорной речи в процессе образования древнерусского литературного языка, но, в отличие от С. П. Обнорского, считает, что общенародный разговорный восточнославянский язык, служивший деловой письменности и юридическим документам, в первое время возникновения древнерусского литературного языка испытал наиболее сильное воздействие старославянского, в основе древнеболгарского языка, но что уже в XI в. в процессе оригинального литературного творчества в нем взяла верх восточнославянская стихия. В дальнейшем развитии взаимоотношения и взаимовлияния славянизмов и древнерусизмов сыграли существенную роль при формировании особых литературных стилей в разных жанрах древнерусской литературы.¹⁰

Что касается лексической стороны разбираемого вопроса, особое значение в этой области принадлежит исследованиям В. М. Истрина о русском переводе Хроники Амартола.¹¹ Третий том этого большого труда, посвященный анализу словаря памятника, открыл богатство древнерусского литературного языка XI в., вполне способного к точной передаче содержания греческого текста. Переводчик хорошо владел всем словарем старославянского языка и вносил в него выражения из живых восточнославянских говоров, пользовался и русскими литературными неологизмами

⁸ А. А. Шахматов. 1) Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4. М., 1941, стр. 69, 90; 2) Очерк древнейшего периода истории русского языка. Энциклопедия славянской филологии, вып. 11. Пгр., 1915; 3) Введение в курс истории русского языка, ч. 1. Пгр., 1916; 4) Некролог В. Ф. Миллеру. Известия Академии наук, № 2. СПб., 1914, стр. 75—83; ср.: Виноградов, стр. 5—12.

⁹ С. П. Обнорский. 1) Русская правда как памятник русского литературного языка. Известия АН СССР, № 10, отд. обществ. наук, 1934; 2) Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946.

¹⁰ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1958; ср.: Виноградов, стр. 13—15, где указаны труды того же направления Д. С. Лихачева, П. Я. Черныха, Ф. П. Филина; A. Do st á l. Uloha cirkevni slovanštiny v dejinah vzniku a gôzvoje spisovné rustiny. Ceskoslovenská rusustika, № 2—3. Praha, 1958; см. также: А. М. Селищев. Старославянский язык, часть I—II. М., 1951—1952.

¹¹ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе, т. III. Л., 1930; ср.: Виноградов, стр. 13, 47—50.